

Джордж Э. Ромеро
Дэниел Краус

18+

ЖИВЫЕ
РАССВЕТ
МЕРТВЕЦЫ

Последний сеанс

Джордж Эндрю Ромеро

Живые мертвецы. Рассвет

«Феникс»

2020

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)-4

Ромеро Д.

Живые мертвецы. Рассвет / Д. Ромеро — «Феникс»,
2020 — (Последний сеанс)

ISBN 978-5-222-47525-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Эпическая история невиданных масштабов, настоящая квинтэссенция зомби-хоррора, от самого крестного отца жанра, легендарного Джорджа Э. Ромеро. Он обратился к крупной литературной форме, чтобы рассказать трагическую историю о восстании мертвых и падении человечества так, как никогда не позволили бы ограниченные средства кинопроизводства. К сожалению, Ромеро умер, не успев завершить свой масштабный труд. По воле его вдовы высокая честь завершить роман выпала известному хоррормейкеру, автору множества бестселлеров The New York Times Дэниелу Краусу. Тысячелетиями человечество жило в ожидании конца света. И он настал, но началось все не с всемирного потопа, вторжения инопланетян или падения астероида, а всего лишь с одного трупа, удивительным образом не пожелавшего остаться мертвым. Эпидемия зомби распространилась с невероятной скоростью по всем континентам, цивилизация пала в считанные дни, а немногим уцелевшим в этой бойне пришлось сплотиться, ведя отчаянную борьбу за выживание против орд оживших мертвецов и беспощадных банд живых, пирующих на руинах старого мира. Книга первая – «Рассвет». Тьма пробуждается и расползается по миру.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)-4

ISBN 978-5-222-47525-6

© Ромеро Д., 2020

© Феникс, 2020

Содержание

Акт первый	10
Джон Доу	10
1. Отпусти мне грхи, еслии сомжешь	10
2. Чужая душа – потемки	12
3. Это место, где...	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ

РАССВЕТ

Джордж Э. Ромеро, Дэниел Краус

Живые мертвецы. Рассвет

Джорджу, которого я так и не отблагодарил.
ДК

*Ах! Ястреб заклевал голубку; волк растерзал барана; лев пожрал
осторожного буйвола; человек убил льва стрелой, мечом, порохом; но
Орля сделает с человеком то, что мы сделали с лошадью и быком: он
превратит его в свою вещь, в своего слугу, в свою пищу – единственно
силой своей воли. Горе нам!*
Ги де Мопассан, «Орля»

Ночной час – час смерти. Да продлится день как можно дольше!
«Сказки Гофмана»

Это художественное произведение. Все персонажи, организации и события в этом романе являются вымыслом, любые совпадения с действительностью случайны.

The Living Dead
Copyright © 2020 by New Romero Ltd.
Copyright © 2020 by Daniel Kraus.

© Перевод: А. Варакин, 2025
© ООО «Феникс», 2026
© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock
AI Generator / Shutterstock / Fotodom.ru

* * *

«„Живые мертвецы” – масштабная, своевременная, страшная эпопея, которая не только сохраняет верность канонам жанра, но и развивается в совершенно новом, непредсказуемом направлении».
Пол Тремблей

«Если “Ночь живых мертвецов” была первым словом в хрониках оживших мертвецов, то “Живые мертвецы” – последнее слово. Грандиозное произведение».
Адам Нэвилл

«Утраченная классика Ромеро, которая еще очень долго не покинет ваши мысли после того, как вы закончите чтение».
Клайв Баркер

«Гениальная, кровавая работа, отмеченная присущими Ромеро остроумием, человечностью и беспощадными социальными наблюдениями. Как же нам повезло, что у нас есть этот заключительный акт “Гран-Гиньоля” от человека, который когда-то заставил мертвецов ожить».
Джо Хилл

«Любой фильм о зомби существует в тени Джорджа Ромеро, но сам он никогда не получал таких бюджетов, которые позволили бы работать с подобающим ему размахом. К счастью, Дэниел Краус сумел завершить эпический труд, начатый Ромеро. Его тень стала немного больше».

Грейди Хендрикс

Акт первый

Рождение смерти

Протяженность: две недели

Джон Доу

1. Отпусти мне грхи, еслии сомжешь

В самые первые месяцы XXI века, еще до печально известного 11 сентября, все больницы, дома престарелых и полицейские участки США (кроме провинциальных, не оснащенных нужным компьютерным оборудованием) обязали влиться в общую информационную Сеть по сбору демографической статистики (ССДС), где аккумулировались данные о естественном движении населения. Эта цифровая система мгновенно передавала всю введенную информацию в отдел Бюро переписи населения, известный как Республиканское демографически-депопуляционное управление (РДДУ). Те, кто мог тогда позволить себе злые чернушные шутки, часто называли его *«Родился? Дал дуба? Учтем»*. Каждое рождение и каждая смерть регистрировались кем-то из врачей, медсестер или секретарей, после чего человек нажимал на ссылку и данные выгружались в ССДС.

Запись о смерти Джона Доу под номером 129-46-9875 была дважды зарегистрирована системой в ночь на 23 октября. Первое сообщение из больницы святого Архангела Михаила, что в Сан-Диего, штат Калифорния, было ничем не примечательно. Вторая запись, благодаря которой этот случай вошел в историю, была внесена в систему три с половиной часа спустя из отдела судебно-медицинской экспертизы по округу Сан-Диего. Сообщение поступило на центральные компьютеры ССДС в 22:36 по тихоокеанскому времени, но оставалось незамеченным еще сорок восемь часов, пока тихая, неприметная служащая РДДУ по имени Этта Гофман не обнаружила его при проверке последних файлов на предмет аномалий.

Гофман распечатала эту запись на бумаге. Уже тогда у нее было дурное предчувствие насчет того, что люди зависят от систем.

ССДС не обращала внимания ни на программу, в которой создавался файл, ни на гарнитуру, ни на размер шрифта. В целях стандартизации все записи выводились с настройками по умолчанию. Запись о Джоне Доу была напечатана в РДДУ шрифтом под названием Simplified Arabic. Через многие годы после запуска ССДС в Сенате разгорелся жаркий спор о том, может ли правительство использовать «арабский» шрифт. Обойдя республиканцев, которые голосовали за Franklin Gothic, демократы в тот день принялись со значением подмигивать и хлопать друг друга по спине.

Но те, кто пережил Джона Доу хотя бы на несколько недель, уже не помнили о такой пустячной победе. Это противоречие было мелочью на фоне миллионов таких же, разрывающих страну на части в течение нескольких поколений. Но если бы некоторые бывшие члены Конгресса задумались, если бы прислушались получше, если бы услышали, как трещат суставы и сухожилия Америки, подобно лопающейся струне рояля, то, может, и смогли бы что-то сделать, как-то залечить раны, чтобы не допустить гибели политической системы на фоне грядущих мрачных дней.

В течение трех суток после смерти Джона Доу в систему поступали тысячи файлов, похожих на 129-46-9875. Этта Гофман обнаружила его случай, пытаясь определить, откуда все началось.

Разработчики ССДС не предполагали, что нужна будет сортировка по дате и времени, поэтому такой функции в программе не было. Гофман и ее коллегам пришлось перебирать множество записей вручную, и только потом, поместив найденное в отдельную папку Origin и сравнивая файлы, они увидели, что файл Джона Доу был первым. Стопроцентной уверенности не было, и даже Гофман в какой-то момент опустила руки. Насущных дел и без того хватало.

Вечером третьего дня после смерти Джона Доу в вашингтонском офисе РДДУ остались четверо: двое мужчин и две женщины. Они сдвинули стоящие рядом столы – и щелкали, строчили, подбивали документы, совсем не глядя на время. Но даже в ту ночь не было сотрудника более неутомимого и невозмутимого, чем Этта Гофман. Впрочем, она всегда была в РДДУ белой вороной. Любой, кому доводилось с ней работать, думал, что в личной жизни она такая же – вся напряженная и вечно смотрит куда-то невидящим взглядом.

Трое остальных задержались по вполне понятным причинам. Джон Кэмпбелл за последние годы много чего пережил: смерть ребенка, нежеланный развод... Ему попросту не к кому было возвращаться. Терри Макалистер пришел на госслужбу, окрыленный идеей помочь, спасти положение, разгрузить всех – он задержался намеренно. Элизабет О'Тул боялась мужа, особенно если он психовал, и ночная работа была для нее единственной надеждой на спасение.

К тому же Терри Макалистер и Элизабет О'Тул любили друг друга. Этта Гофман выяснила это незадолго до кризиса, но категорически не могла понять. Они оба состояли в браке, и вот это Гофман понимала очень хорошо. Брак – это документы, соглашения, совместное владение собственностью и совместные налоговые декларации. Но вот любовь и страсть – увольте. Не поймешь, что у этих страдальцев в голове. Гофман немного настороженно относилась к Макалистеру и О'Тулу, стараясь держаться от них подальше.

Они могли только догадываться, почему Этта Гофман осталась на ночь. Некоторых в РДДУ бесило, что она не показывает эмоций, и эти люди называли ее придурочной. Те, кто знал, как ударно она трудится, приписывали ей аутизм, а кто-то звал просто сучкой.

Один временный работник, основной специальностью которого были английский язык и литература, однажды назвал бледную и вечно серьезную Этту Гофман «Поэтесса». Увидев, как она сосредоточенно смотрит в экран, он вспомнил затворницу Эмили Дикинсон, взирающую на мир, и подумал, что Гофман, должно быть, такая же загадочная и тоже может найти в повседневной рутине что-то великое, проведя в ней полжизни.

Это прозвище стало для Гофман своего рода щитом – оправданием сдержанности и невозмутимости. Поэтессе дозволено, ведь она себе на уме! Над этим шутило все РДДУ. Так вокруг коллеги в трениках, без тени эмоций вводящей данные в систему, попивающей теплую воду и поедающей самые банальные сэндвичи – наверняка самые безвкусные в округе, – сложился определенный романтический ореол.

В течение трех дней после смерти Джона Доу Поэтесса проявляла себя лучше всех. Там, где другие позволяли себе слабость, она сохраняла каменное лицо. Там, где у других закрывались глаза и дрожали руки, там, где другие были уже не в силах печатать, она сохраняла остроту внимания и ловкость рук. Гофман, неспособная никого вдохновить в принципе, в ту ночь вдохновила трех оставшихся сотрудников. Они вылили себе на головы по стакану холодной воды и отхлестали себя по щекам. Заряженные дешевым кофе и адреналином, они упорно регистрировали все происходящее, чтобы у потомков остались свидетельства существования того грандиозного, сложного, ущербного, но все же порой прекрасного мира, что существовал до падения.

Сорок восемь часов спустя, через пять дней после регистрации смерти Джона Доу под номером 129-46-9875, Джон Кэмпбелл, Терри Макалистер и Элизабет О'Тул сошлись на том, что ничего сделать они уже не могут. Хотя благодаря аварийному электроснабжению их офис работал нормально, крах настал в самой ССДС. Поступающие сообщения были все равно что глас вопиющего в пустыне.

Джон Кэмпбелл выключил компьютер, посмотрел в черный монитор, вспомнив о потерянных жене и ребенке, пошел домой и выстрелил себе в голову. Элизабет О'Тул начала как сумасшедшая отжиматься и приседать, готовясь непонятно к чему. Терри Макалистер, у которого вдруг отключился синдром спасателя, сделал последнюю запись в рабочей документации. Если бы кто-нибудь когда-нибудь ее нашел, то увидел бы вместо обычных фактов и цифр надпись «Счастливого Хеллоуина» – черный юмор, как у приговоренного к смерти.

Это было за три дня до самого жуткого праздника, за три недели до Дня благодарения, за два месяца до Рождества. Миллионы конфет вместо подарков детям ушли в стратегический запас: некоторые слишком боялись покидать дома. Те, кто заранее купил индейку на День благодарения, оставили ее себе, вместо того чтобы пригласить близких и поделиться. Тысячи авиабилетов, купленных к Рождеству, чтобы навестить родных, тлели в почтовых ящиках.

Терри Макалистер и Элизабет О'Тул не выключали свои компьютеры, как это сделал Джон Кэмпбелл; гул греющихся машин напоминал им дыхание – пусть и натужное, как у тяжелобольных в хосписе. Собираясь к Терри в Джорджтаун, Элизабет предложила Этте Гофман поехать с ними. Терри сказал, чтобы она не беспокоилась, но Элизабет не хотела оставлять женщину одну.

Однако Терри был прав: Гофман устала на Элизабет О'Тул так, словно та вдруг заговорила по-вьетнамски. Ее слова вызвали у Поэтессы не больше эмоций, чем кусочек торта на корпоративной вечеринке по случаю дня рождения.

Уходя, Терри Макалистер и Элизабет О'Тул слышали глухой, равномерный треск клавиатуры Этты Гофман. Она работала в своей обычной манере: упорно и без тени эмоций. Без тени... жизни. Элизабет вспомнила отчеты о нападениях таких же упертых и неживых и решила, что Гофман, так похожая на Них – уже тогда Их предпочитали называть именно так, – возможно, та самая, кто все поймет, обработает и ответит на Их угрозу.

На седьмой день, находясь в квартире Терри Макалистера, Элизабет О'Тул взяла телефон, который еле ловил сигнал, и стала писать своему кузену, священнику из Индианаполиса, решив исповедаться хотя бы так. Она сказала, что они с любовником (не с мужем) хотят попробовать уехать из Вашингтона. Поскольку и времени, и зарядки было мало, текст изобилует орфографическими ошибками. Элизабет О'Тул не видела, когда отключился телефон, поэтому никогда не узнает, дошла ли исповедь или стала еще одним гласом вопиющего в пустыне. Когда они с Терри вышли из залитого кровью подъезда на улицу, опаленную выстрелами, не имея никакого плана, кроме как «довериться интуиции и направиться на север», Элизабет О'Тул везде видела свое последнее послание, буквы, похожие на птиц-стервятников, пронзающих ноябрьское небо.

Нравное, я больше ни увижу тебя, так что Отпусти мне грехи, если сомнешь, где бы ни находился, если можешь, так как я пытаюсь исповедаться и прошу прощения, но не могу, я помню слово, разве не старинно, что ничего не могу сказать, Ничего не могу вспомнить, как будто вся моя жизнь была сном?

2. Чужая душа – потемки

Луис Акоцелла выискивал в своем супе по-галийски белую фасоль, когда фасадное окно Испанского дворца «Фаби» разлетелось вдребезги. Луис трудился в Сан-Диего помощником судмедэксперта и знал все о ранах и порезах, которые оставляет стекло. О том, как осколки лобового стекла врезаются в щеки и оставляют рваные раны, пропахивая путь сквозь мясо. О лебединой красоте порезов на запястьях, которые самоубийцы наносили себе осколками разбитого зеркала. И наконец, о том, как фасадное окно «Фаби» вот-вот превратится в рой мел-

ких осколков, на миг отразив дешевый хрусталь люстр, и полетит к нему, словно стеклянные шершни.

Принимай Луис пищу в другом месте или закажи другое блюдо – и сейчас он бы был отчасти не в этом мире. Скроллил бы социальные сети. Но в этот раз он убрал телефон: слишком уж легко было испачкаться супом по-галийски.

Поначалу отсутствие телефона вызвало некоторую тревогу – взгляд то и дело дергался туда, где должен был лежать гаджет, а пальцы сгибались в жесте, словно скроллят ленту. Но уже через пять минут Луис успокоился и обнаружил, что в отсутствии гаджета что-то есть. А когда затихла музыка, которую почему-то забыли поставить заново, он услышал звуки жизни вокруг: шарканье ног, вздохи, смех и даже дыхание людей.

Если Луис ел в одиночестве, он садился рядом с кухней, поскольку предпочитал скроллить, лайкать, комментировать и размещать посты под успокаивающие звуки готовки. А уж когда он начинал говорить по-испански, персонал словно подменяли. Официантка расслаблялась, а повара на кухне смотрели так, что Луис думал: «Вот здесь мне точно хорошо приготовить». Это согревало его не меньше, чем миска супа по-галийски. Язык – вот что объединяло людей. В такие моменты Луис задавался вопросом, не вреден ли телефон как таковой.

Так что Луис был достаточно далеко от окна и не мог пострадать от осколков. Но все равно закрыл лицо руками и вскочил со стула. Чутье его не подвело: раздался оглушительный треск, разлетелось вдребезги стекло, и прогремел выстрел.

На календаре был четверг, на часах – 17:54; для постоянных посетителей «Фаби» было еще рано, а немногих присутствующих защитили высокие спинки. Луис со своим опытом работы помощника судмедэксперта сразу это понял – как и то, что за выстрелом почти всегда следует еще несколько.

Он на корточках забрался под стол и обратился в слух. Взгляд его упал на пакетики с сахаром, которые подпирали самую шаткую ножку. Почти сразу действительно раздался выстрел, а за ними – мужской крик. После небольшой заминки полиция открыла ответный огонь, и их выстрелы, звук которых напоминал щелканье лопающейся пузырчатой пленки, слились – их уже невозможно было сосчитать. Следом раздался смачный металлический хруст, словно одна машина врезалась в другую и протаранила ее. И наступила тишина.

Какое-то время – он точно не знал, сколько прошло – Луис так и сидел под столом. Ощущение опасности меняло восприятие времени: секунды впивались в кожу маленькими ножами, оставляя невидимые порезы.

Наконец он встал и бросился к двери. Стекло хрустело под каблуками. Луис вынырнул в фиолетовое марево прохладных калифорнийских сумерек, где все слышалось уже совсем иначе, отпер машину и достал аптечку. Ведь мужчина, который кричал, мог быть все еще жив. Луис побежал вдоль ряда припаркованных машин, и на Мишн-Бэй-драйв увидел типичную картину после перестрелки: остатки сгоревшей резины на асфальте, выхлопные газы, светящиеся красным и синим, как мигалки полицейских, и внезапный затор перед светофором. Люди в пробке вели себя так, словно ничего не произошло.

Возможно, дело было в том, что Луис отвлекся от телефона, но далее он обратил внимание на кое-что еще. Пешеходам было плевать. Всего несколько минут назад тут стреляли, протаранили минимум одну машину, а люди снова уткнулись в гаджеты и теперь поглощали информацию, которую могли фильтровать с помощью больших пальцев. Кто-то фотографировал скопление полицейских машин, кто-то делал селфи, и все это мгновенно выкладывалось в соцсети. Так совсем недавно делал и сам Луис – хроника его жизни в квадратах с текстом.

Добежав до места, Луис увидел машину преступника – старый грузовичок с мексиканскими номерами, переднее крыло которого было вжато в борт универсала. Пассажирская дверь грузовика была распахнута, а на краешке сиденья примостился мужчина. Луис узнал мертвеца

с первого взгляда. Тот прижимал приклад ржавого «Узи» к груди, запекаясь кровь отливала черным, но мертвец вцепился в магазин, словно не желая отступить и после смерти.

Пешеходы вцепились в гаджеты, стрелок – в свой «Узи». Луис поразился неожиданному сходству, которое обрели вдруг гаджеты и оружие.

В кабине кто-то шевелился, но грузовик был заблокирован черно-белыми машинами, а стоящие за ними копы держали двери под прицелом. Отбросив мысли о стычке, Луис перевел взгляд на одну, потом на другую сторону улицы. Он искал кого-то, кто не залип в очередной гаджет. Сирены скорой помощи завывали громче, и Луис наконец нашел, что искал. Он забежал в тень эстакады, где среди топкой грязи и кучи пакетов и разбитых бутылок корчился мужчина лет шестидесяти.

Одежда его промокла, от него пахло кислятиной, и Луис подумал, что это бомж. Хотя явно на улице недолго: прямая осанка и широкие плечи нехарактерны для бездомных. Выпавших зубов не было: челюсть была ровной, и губы не норовили пропасть между деснами. Волосы по-прежнему были аккуратно расчесаны. Но больше всего говорила о владельце одежда: потрепанный, но явно сшитый на заказ костюм, кожаные ботинки и парадная рубашка с единственной уцелевшей запонкой. «Когда-то он был богат, – подумал Луис. – Когда-то у него было все, что могла предложить Америка».

Спокойной методичной работой, как в офисе, здесь и не пахло. Луис отложил аптечку, взял мужчину за запястья и стал рассматривать тело. Он заметил четыре пулевых отверстия, все в правой половине: одно на бедре, другое на животе, третье на плече, а четвертое на шее. Отодвинул ворот рубашки и провел пальцами по скользкой от крови коже, чтобы проверить пульс. И по одной только температуре тела понял, что опоздал. Взглянул на часы: 18:07. Судя по температуре тела, смерть, скорее всего, наступила в течение последних двух минут. Заполняя Луис сейчас стандартные документы, он указал бы 18:05 как примерное время смерти.

Черт, он слишком промедлил, скрываясь там, под столом.

Рядом уже стоял детектив. Он бесцеремонным тоном представился как детектив Уокер. У него были прямые светло-русые волосы, как у сказочных принцев, и ему, похоже, так же не терпелось убраться отсюда, как и прочим зевакам. Он рывкнул подчиненному, чтобы тот натянул оградительную ленту, а затем, узнав имя и квалификацию Луиса, вырвал листок из блокнота и попытался всучить ему.

– Констатируйте смерть, – потребовал Уокер. – Он погиб на месте преступления.

Луис уставился на бланк, чувствуя, как внутри закипает гнев. Через несколько часов в новостях объявят о смерти этого человека – всего лишь одной строчкой. И люди прочтут ее без малейших эмоций.

– Я не готов констатировать. – Он показал окровавленные руки.

– Видите тот перекресток? – Детектив Уокер указал пальцем. – Три машины скорой помощи пытаются пробраться через толпу. К тому времени, как они прибудут, этот парень уже окоченеет. Если вы отвезете его в больницу, у меня всю ночь будет болеть голова, амиго. Оставьте его здесь, где он сможет принести хоть какую-то пользу, ладно?

– Не факт, что раны смертельные, – сказал Луис. – Мы доставим этого человека в больницу, и, возможно, его удастся реанимировать...

– Вы по-английски понимаете? Я же сказал, мы практически в блокаде. Все эти люди – в каждой машине, насколько хватает глаз – спешат домой, чтобы жить своей жизнью дальше. Помогите мне, будьте человеком. Я надеюсь, вам не все равно. Именно такие, как вы, убили этого парня.

Луис развернулся на месте, и кровь хлюпнула под каблуком.

– Такие, как я?

Детектив Уокер оказался бесцеремонным не только в работе, но и в предрассудках.

– Мать вашу, Хосе, – прорычал он, – этого человека убили мексиканские бандиты. Мы рассчитываем, что вы это подтвердите. Так что ототрите руки от вишневого пирога и заполните эту гребаную форму.

– Рассчитываете на меня? Как это понимать? – Гнев в душе Луиса нарастал.

Детектив навис над ним. Его профиль был очерчен так же четко, как отпечаток большого пальца в тесте. Накрахмаленный воротничок глубоко врезался в дряблую шею, угрожая разрезать ее. По уголкам рта побежала пена.

– Мы предъявим этим сраным преступникам обвинение в убийстве, а это стопроцентное закрытие дела.

– То есть вам нужна смерть этого человека? Потому что это поможет вам?

– Я этого не говорил. – Детектив Уокер пожал плечами. – Я ничего не говорил. Я ничего не говорил о каком-то клятом бомже, о котором никто никогда не вспомнит.

Нехитрые инструменты из аптечки Луиса не могли спасти человека, изрешеченного пулями, но Луис подумал, что покалечить этого дебила они вполне смогут. Жгут из аптечки хорошо смотрелся бы на шее детектива. А ножницы, вонзенные в яремную вену, добавили бы стилия. Луис подавил гнев: за свою долгую карьеру он привык выносить и не такое дерьмо. Он посмотрел налево и увидел огни фар машины скорой помощи.

Начальник Луиса, судмедэксперт по округу Сан-Диего Джефферсон Тэлбот, был на конференции в Лас-Вегасе. Никто, кроме него, не мог принять решение. Луису пришлось взять ответственность на себя, а это означало, что он или сделает все правильно, или огребет от Джея Ти похуже, чем от детектива Уокера. Луис встал и помахал машине скорой помощи, стоявшей в конце квартала, аптечкой, надеясь, что врач увидит и прибежит. Он повернулся к Уокеру, не скрывая ни отвращения, ни надежды.

– Я верю, что этого человека еще можно спасти, если мы поторопимся, – сказал Луис. – Я сделаю это и без вас, но будет легче, если вы поможете. Давайте, хватайте его за ноги и несите в скорую. Вместе со мной. Прямо сейчас. Что скажете?

Чужая душа – потемки. Луис усвоил этот неприятный урок на работе. Гонористые дурачки спасали положение, потому что знали, как делать искусственное дыхание. Отвратительные политики вытаскивали детей из автокатастроф. Бывшие заключенные, севшие за изготовление детского порно, спасали людей из горящих зданий. Детектив Уокер был таким же, как и все они, – и, если разобраться, таким же, как Луис Акоцелла. Он выдал трехэтажную матерную тираду, отбросил в сторону свой блокнот и схватил бомжа за грязные лодыжки. Вместе они понесли не то мертвого, не то умирающего мужчину по тротуару, пока не передали его двум работникам скорой, которые как раз разбирались с носилками.

После этого Луис исчез из квартала. Подъезжала скорая за скорой, а его работа на этом заканчивалась. Но это не значило, что делать больше нечего. Если судмедэксперты в больнице Архангела Михаила установят, что мужчина мертв, а такое вполне может быть, Луис будет обязан провести судебно-медицинскую экспертизу. Но будь он проклят, если из-за этого не сможет поехать на выходные к семье в Ла-Пас. Он проведет вскрытие сегодня вечером и покончит с этим.

Луис достал телефон и написал Розе сообщение, кратко пересказав случившееся. Осталось лишь вернуться в морг и ждать звонка. Одному или с Шарлин, если она согласится.

Просто очередной труп, которому надо провести вскрытие. Очередной файл данных, который нужно передать в ССДС. Очередной Джон Доу.

3. Это место, где...

Табличка висела в его кабинете так долго, что Луис уже мог бы не обращать на нее внимания. Он потерял счет случаям, когда ее немое присутствие портило безмятежный обеденный

перерыв, проводимый за чтением громких политических заявлений. Каждый раз он бесился. Надпись была короче большинства постов, но табличка висела прямо над дверью, и выбросить ее из головы не получалось.

Глаза, привыкшие к ленивому скроллингу ленты, волей-неволей заработали и задвигались.

НИС LOCUS EST UBI MORS GAUDET SUCCURRERE VITAE

Больше всего Луис жалел, что примерно через полгода после поступления на работу загуллил перевод этой фразы. Теперь он, видимо, был обречен думать о ней. Это было своего рода напоминание о том, что все циклично – с открытым концом. Луис еще с медфака ненавидел концепцию Уробороса и считал, что ее придумали специально для того, чтобы сводить читателей с ума.

ЭТО МЕСТО, ГДЕ СМЕРТЬ РАДА ПОМОЧЬ ЖИЗНИ

Он понимал это на самом примитивном уровне. Смерть (мертвые) буквально помогала жизни (медицине), предоставляя тела для вскрытия. Так что, казалось бы, прими это, сорви табличку со стены и выбрось. Но ведь по факту мертвые не предоставляли свои тела живым, так? Их присваивали.

Луис подумал о других американцах, которых тоже присваивали под эгидой помощи. Женщин – как жен и обслугу, африканцев – как рабов, инвалидов и калек – как игрушки для врачей.

Часть про «смерть рада» была похожа на правду. Это вроде как подтверждало одну мысль, которую Луис никому не высказывал вслух. Всякий раз, когда он вскрывал грудную клетку, казалось, что яркие цвета и очертания рады наконец-то проявиться. Разлетающиеся во все стороны из-под костной пилы сухожилия, ослепительно-яркая кровь, влажный серый мозг, распускающиеся хризантемами молочные железы, похожие на воздушные шарики артерии сердца, красивый кожаный мешочек желудка, золото поджелудочной железы. Но умом Луис понимал, что тут нет никакой радости. Это всего лишь первые признаки приближения грибной порчи.

Больше всего Луиса поражало последнее слово на табличке. Необычная формулировка, не так ли? Не «живым» – это низкая планка, которую преодолел даже он, никчемный любитель просмотра фильмов в обеденный перерыв, – а «жизни». Речь шла о тех, кто рад жить на этом свете. Луис задавался вопросом, может ли он, сидя в темном-темном морге внутри яркого-яркого Сан-Диего, считаться частью «жизни». Табличка провозглашала равенство между мертвыми и живыми, отношения, которые при соблюдении всех условий могли бы привести к трансцендентности.

На столе зазвонил телефон, и Луис обрадовался этому. Думать об одном и том же было бессмысленно и вредно. Он закрыл новости (если новостями можно было назвать гифки с животными, пассивно-агрессивные высказывания, изысканные блюда и спонсируемый шопинг), проверил время и поднял трубку в 8:22, если верить часам.

Именно таких новостей он и ждал. Смерть, если к ней привыкнуть, таит в себе мало сюрпризов. Смерть Джона Доу констатировали в больнице святого Архангела Михаила в 19:18 (18:10 по тихоокеанскому).

После пары вопросов Луис узнал, что пациентом занимался интерн. Чертов интерн. Сперва грубый детектив Уокер, будто подталкивающий Джона Доу к краю, а теперь прыщавый идиот из больницы Архангела Михаила, видимо желающий набраться опыта и потому работающий в решающий момент. Не будь Джон Доу бездомным, все было бы по-другому.

Но Луис Акоцелла хотя бы получит второй шанс искупить вину перед Джоном Доу. Тело на пути к их несчастливой встрече. Честно говоря, Луис ее даже отчасти предвкушал. Он содрал бы с Джона Доу кожу, всю с головы до ног, если бы это позволило найти доказательства

того, что выстрелы были не смертельны и что смерть Джона Доу наступила хотя бы отчасти по вине детектива Уокера. Если бы он мог утопить Уокера и всех таких же дебилов-копов, вот тогда он бы действительно стал частью жизни.

Луис набрал номер Шарлин Рутковски, своей знакомой. Она не взяла трубку. Логично, она такой же человек, у нее своя жизнь. Луис написал Шарлин сообщение и все рассказал. Нужно было вскрыть труп с огнестрельным ранением. Сегодня вечером.

Она имела полное право проигнорировать это сообщение. Луис заколебался, прежде чем добавить последнюю фразу, потому что знал Шарлин, как никто другой, и, перейди он на личности, она бы все бросила и приехала. Луису не нравилось, что он имеет такое влияние на подчиненных. Но он также не хотел работать с этим парнем в одиночку. День был адский. Господи, его и так чуть не застрелили.

*В архангела михаила констатировал смерть интерн. СРАНЫЙ
ИНТЕРН.*

Ответ последовал незамедлительно:

Сволочи. Буду через полчаса.

Теплая радость сменилась жарким пламенем стыда. Шарлин умела угадывать чувства Луиса лучше, чем его жена, и, хотя ему нравилась эта близость, он чувствовал укол вины каждый раз, когда поощрял ее.

В ту ночь, 23 октября, в ночь убийства Джона Доу, Луису Акоцелле было сорок, и он шестнадцать лет был женат на Розе дель Гадо Акоцелла. Они познакомились, когда ей было шестнадцать, она приехала из Сальвадора без документов. Ему было двадцать шесть, он приехал из Мексики пять лет назад и уже получил гражданство США. Хотя они начали встречаться только через четыре года, разница в возрасте не давала Луису покоя – особенно когда он вспоминал, какое влечение к Розе испытывал, когда она была подростком, незаконное во многих отношениях.

Тогда Розу и ее мать планировали депортировать. Они отдали все имеющиеся деньги, чтобы тайно переправить девочку в Штаты. Луис гордился, что поспешил на помощь, как Джон Уэйн. Стипендии и помощь семьи помогли ему окончить медицинский, но, хотя Луис намеревался получить специализацию, ему надо было выплачивать кредиты. Так что он открыл скромный офис недалеко от Лос-Пенаскитоса, по ночам учился, а днем работал терапевтом (в основном для испаноговорящих) и виделся с Розой при любой возможности.

Роза сказала матери, что Луис *miu hombre*, порядочный человек, и что он все эти годы изо всех сил помогал людям без документов. Мама дель Гадо ждала, что Луис просто объявит Розу заболевшей, и тогда ее нельзя будет вывезти, пока она не поправится. Луис восхитился мужеством женщины, но план был смехотворный, и Луис использовал все известные ему уловки, чтобы отсрочить решение о депортации. Со временем он постепенно пришел к выводу, что лучший способ спасти Розу – жениться на ней.

Она была красива. По-настоящему. Изящная фигура, медовая кожа, темные глаза. Она говорила, что любит Луиса, и у него не было причин сомневаться в ней – не считая того факта, что он ее защитил. Но эти глаза... ему так и не удалось заглянуть в них, и он, к своему стыду, предпочел этого не делать. Роза вписалась в его жизнь именно как жена: обеспечила ему необходимый социальный капитал и все такое.

Но в работе Роза была не помощник. Ранний опыт Луиса в общей хирургии тоже не принес плодов. С каждой операцией он все меньше понимал, что надеялся получить, помогая людям. Это было одной из причин, по которой Луис с нетерпением ждал поездки в Ла-Пас на этих выходных. Поскольку его брат Маноло, ныне живущий в Бангоре, штат Мэн, работал помощником юриста и был постоянно занят по ночам и выходным, Луис был вынужден обратиться за советом к своему отцу Джеронимо. В пятьдесят пять, когда Луис женился, отец

выглядел на семьдесят; шестнадцать лет спустя он также выглядел старше своих лет. Но каким-то образом общее ухудшение здоровья избавило его от предрассудков старого света. Джеронимо превратился в прямолинейного седоусого монаха, предлагающего ответы, словно рюмки текилы. Ему было наплевать, пьете вы их или нет.

– Это самая беспомощная работа в мире, – объяснял Луис несколько лет назад. – Если кто-то падает на тротуар, а ты, папа, не можешь его спасти, это не твоя вина. Но у меня есть все необходимые навыки. Все инструменты. Я могу оказать любую помощь. Я всю жизнь готовился. А они все равно умирают, прямо у меня на руках.

– Они не уходят, – сказал его отец. – Бог забирает этих людей, когда приходит их время.

– Мальчик пяти лет, пап. А в том месяце – трехлетняя девочка. Как могло прийти их время?

– Божий план воплощается в жизнь столетиями.

– Мы – муравьи в траве, знаю, знаю.

– Ты понимаешь, кто ты перед Богом. Пусть это принесет тебе покой.

– Может, и понимаю. Но мне это не нравится. Если это и есть мой Бог, лучше бы я не знал о нем. Я должен уметь *даровать* жизнь, папа. Делая хорошо свою работу, возвращать людей к жизни.

– Это работа Бога, – спокойно, но твердо сказал Джеронимо Акоцелла.

Подобные беседы помогли Луису определиться со специальностью, и в итоге он днем работал, а вечером учился. Обладая невероятной выносливостью, о которой сам не подозревал, он проучился четыре года, получил диплом патологоанатома и однажды с подачи Розы обнаружил, что его все чаще окружают латиноамериканцы, желающие сделать его первым латиноамериканским судмедэкспертом в Сан-Диего.

Луис воспринимал это как гонку. Дух соперничества, который помог ему преуспеть в учебе на медицинском, заставил его цепляться за работу обеими руками. Когда он проигрывал, ему было больно.

Победителем стал Джефферсон – Джей Ти – Тэлбот, который, как полагал Луис, получил безоговорочную поддержку чернокожих и прочих угнетенных. У Луиса, конечно, были латиноамериканцы, но их было недостаточно. Размышление о сегрегации по расам как о средстве для победы в гонке заставляло Луиса чувствовать себя дерьмово, но он ничего не мог с собой поделать. Америка была полем, на котором было слишком много векторов сил, и этнические группы собирались, сбивались в братства и держались вместе несмотря ни на что.

Джей Ти, однако, оказался великодушен. Луис подавил свою гордость и согласился поработать помощником судмедэксперта. Судмедэксперт – это *должность*, уважение, авторитет и почет. Помощник судмедэксперта – это *работа*. Вместо множества красивых костюмов, как у Джея Ти, Луису полагались белые халаты, резиновые перчатки и щитки, берегущие лицо от брызг.

Луис не воспринимал Джея Ти как начальника, просто не мог. Недовольство проникало ему под кожу так глубоко, словно он сам себя вскрыл скальпелем и засунул это чувство глубоко внутрь. Совпадение ли, что его отношения с Розой с годами тоже ухудшились, будто пораженные раком? Она изменилась, и Луис счел это предательством. Ее медовая кожа покрылась пятнами. Она сильно набрала вес. Глубокие темные глаза, когда-то кажущиеся вечной загадкой, теперь не могли скрыть желания комфорта, внимания и заботы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.